

Николай Лесков

**О раскольниках города
Риги**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л50

Л50 **Лесков Н.**
О раскольниках города Риги / Николай Лесков – М.: Книга по Требованию,
2012. – 54 с.

ISBN 978-5-4241-2299-6

Николай Семенович Лесков широко, объективно отразил в своих произведениях жизнь российского общества его эпохи - эпохи отмены крепостного права, пробуждения деловой активности масс, размежевания интеллигенции на разные идеологические "станы". Большое внимание уделял Лесков и русской старине, считая ценным для развития общества накопленный тысячелетиями народный опыт. Документальность многих его произведений сочетается с художественной выразительностью, психологической глубиной, яркостью языка.

ISBN 978-5-4241-2299-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Семенович Лесков
О РАСКОЛЬНИКАХ Г. РИГИ,
ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В
ОТНОШЕНИИ К ШКОЛАМ
1863

Русские раскольники, имеющие некоторое понятие о рижской общине беспоповцев, представляют себе эту общину идеалом всестороннего благоустройства и желанной свободы.

Из раскольников ближе всех знакомы с рижскою общиною московские федосеевцы и беспоповцы поморского согласия, рассеянные по северо-западному краю России, Литве и Царству Польскому.

Общее желание раскольников устроиться во всех частях своего общественного быта по рижскому образцу рождает огромный интерес к ближайшему изучению этой общины, возбуждающей всеобщую зависть.

Эта симпатия рижским порядкам и молва о независимости образования раскольничьего юношества в г. Риге побуждают обратить внимание на рижскую общину, и потому нижеследующие сведения о ней будут, конечно, небесполезны.

Известно, что начало систематическому воспитанию малолетних раскольников в общественных школах положено московским купцом Ильею Васильевичем Ковылиным в первой четверти текущего столетия. Из истории Преображенского кладбища в Москве мы знаем, что «в одном из зданий этого кладбища было устроено Ковылиным училище, где мальчики с бойкими способностями обучались чтению и письму церковному под руководством наставника Осипова. Потом очередные наставники толковали им катехизис. Образование оканчивалось изучением главных пунктов отличия федосеевского учения от учения православной церкви. Для учеников была открыта кладбищенская библиотека, состоявшая из старопечатных книг и раскольничьих сочинений, которою они пользовались под руководством своих учителей».

Люди, имевшие возможность близко ознакомиться со старыми делами Преображенского кладбища, старались доказать, что «все образование кладбищенской школы было направлено к тому, чтобы внушить детям отвращение к церкви и церковникам-никонианам» (из истории Преображенского кладбища. Л. 44).

Принимая во внимание общие тенденции раскола и исключительную политику покойного Ковылина, нет оснований опровергать сделанный вывод о направлении Преображенской кладбищенской школы в самое цветущее время ее существования.

Познания в науках и искусствах, выносимые воспитанниками из этой школы, вообще были до крайности бедны. О науках, способствующих развитию самостоятельного мышления, в ковылинской школе не было и помина. В ней учили счислению, но и то слегка, настолько, насколько это необходимо по соображению русского лавочника. В искусствах шли тоже очень немного дальше. «Некоторые из членов кладбищенской школы приобретали замечательное искусство писать по-уставному и потом занимались переписываньем богослужебных книг, которые по дорогой цене продавались в конторе кладбища иногородным федосеевским общинам и зажиточным федосеевцам. Другие занимались иконописным искусством и делали копии с древних икон иногда так удачно, что самые знатоки с трудом могут отличить копию от оригинала. Весьма искусно воспитанники умели подделываться и под древние рукописи, изменяя при том и самый цвет бумаги и соблюдая малейшие остатки древности».

В этом заключалось общественное образование в большой ковылинской школе на Преображенском кладбище, и в этом же оно заключалось во всех общинах федосеевского согласия в губерниях: Ярославской, Тверской, Нижегород-

ской, Саратовской, Новгородской, Рижской, Казанской, Симбирской, на Дону и Кубани. Словом, во всех общинах, находившихся во время Ковылина в зависимости от Преображенского кладбища, — и иначе это не могло быть, потому что «все эти общины получали от кладбища наставников и покупали в его конторе свои книги».

В таком положении раскольничья педагогика дожила до воцарения императора Николая, при котором всякое проявление их общественности начало преследоваться со строгостью, от которой раскольники отвыкли во времена Екатерины II и Александра I. Суровые меры, предпринимавшиеся против раскола в царствование Павла Петровича, по кратковременности этого царствования, не ступевали начатков раскольничьего самоустройства в екатерининское время, но при императоре Николае все это пригнулось, спряталось, и к нашим дням не осталось уже ни одной открытой раскольничьей школы; даже и общинно-хозяйственное самоуправление местами вовсе исчезло, а местами замаскировалось так ловко, что изучение его представляет очень много трудностей для каждого человека, имеющего хотя какое-нибудь непосредственное сношение с правительством. Одна рижская община, благодаря своему отдаленному положению в Остзейском крае и другим более или менее благоприятным обстоятельствам, сохранила до сих пор свое отдельное хозяйственное самоуправление, имеет благолепную каменную молельню с четырьмя «духовными отцами», хором обученных крюковому пению певчих, больницю, домом для призрения дряхлых и общественною подгородною мызою Грizenберг. Но открыто существовавшую до 1829 года школу рижская община утратила. С этого времени и она обходится только секретными школами, устроенными в частных домах и существующими под великим страхом и великою данью у местной полиции.

Держась своего предмета, мы будем касаться прочих частей устройства рижской общины лишь настолько, насколько это необходимо для выяснения положения учебного вопроса. Прежде всего нужно сказать несколько слов о духе самого раскола в общинах рижской и псковской. Это совершенно идет к нашему предмету.

Тем самым, что раскольники Риги и Пскова со времен Екатерины находились в полной моральной зависимости от московского Преображенского кладбища, обыкновенно определяют дух их вероучения. Их до сих пор считают федосеянами или федосиевцами, т. е. последователями дьячка Крестецкого яма Феодосия, отделившегося от поморского согласия. Секта федосеевцев в истории русского раскола важна не менее секты поморской, следующей учению даровитых братьев Денисовых, распространявшемуся по России из Выгорецкой киновии. Обе эти секты признают благодать преемственного рукоположения исчезнувшего, считают господствующую церковь еретическою, отвергают духовенство как санкционированное сословие и, следовательно, отвергают возможность самой евхаристии. Разница между поморцами и федосеянами главным образом заключается в том, что поморцы допускают брак, освящая его благословением родителей и отца духовного, и молятся за царя «нужды ради» и «страха ради Самарина» — чиновника, производившего некогда следствие в Выгорецкой обители. Федосеевцы же не допускают брака и не только не молятся за царя, но и молящихся за него «поморян» в насмешку над трусостью перед Самариним называют не «поморянами», а «самарянами». Брак здесь отвергается прямо как следствие

отвержения священства: «Венчать некому, — говорят, — да и время не то, — антихрист невидимо царствует, и настали дни, в которые не довлеет ни жениться, ни посягать», а за царя не молятся потому, что «он не благоверный», т. е. не старой, не благой веры: «сын ереси», «эллин», и, наконец, просто так не молятся, потому что не в обычае за него молиться. Это «так» замечается и у чистых верноподданейших поморцев, которые молятся за царствующего государя как «за власть предержащую», но за умершего молиться не хотят даже страха ради самаринского. Это одинаково относится ко всем умершим государям: Петру I, Павлу Петровичу, Николаю и особенно уважаемым всеми старообрядцами Екатерине II с Александром I, которых хотя они тоже не хотят назвать «благоверными», но всегда признают «благочестивыми».

Судя лишь по одним этим отличиям учения поморского от учения федосеевского, можно до некоторой степени объяснить себе причины правительственного неблаговоления к федосеевцам; но оснований и смысла преследования скромнейших и верноподданейших поморцев, обижаемых властью и осмеиваемых за свое «самарянство» своими же братьями — раскольниками других согласий, понять невозможно. Это объясняется только разве крайнею неблаговоспитанностью православного духовенства и отсутствием в правительстве людей, знакомых с духом раскола.

Однако обе главные беспоповщинские секты: поморцы и федосеевцы в течение двух веков подвергались совершенно одинаким преследованиям гражданской и духовной полиции, и даже можно сказать, что наивным петербургским поморцам в предшествовавшее царствование часто доставалось гораздо больше, чем федосиянам, московские вожаки которых отлично знали топографию домов некоторых влиятельнейших лиц александровского и николаевского времени.

Мы упоминаем об этом для того, чтобы заметить несообразность огульного закрытия разом всех первоначальных школ в общинах раскольников разных согласий. Мы не имеем основания опровергать заключений, сделанных о духе преподавания в школе Ковылина, где будто бы двумстам мальчикам внушалось «отвращение к церкви и церковникам-никонианам», но позволим себе, однако, указать на раскольничью генерацию, родившуюся при императоре Николае, когда уже не существовало зловерной ковылинской школы, да не было и вообще никаких раскольничьих школ. Генерация эта выросла в круглом невежестве и воспитала в себе сугубое «отвращение к церкви и церковникам-никонианам».

Зная из истории раскола нравственную связь рижских раскольников с московским Преображенским кладбищем, я не мог понять, как возникло у поморцев сочувствие к общине, приверженной к федосеевщине? и, выехав 12-го из Петербурга, не поехал прямо в Ригу, а остановился сначала в Пскове. Здесь, благодаря содействию одного моего товарища, я сошелся с купцом Василием Николаевичем Хмелинским, человеком весьма здравомыслящим, очень богатым, большим ревнителем раскола и, кажется, несомненным другом властей à la Ковылин. Этот Меттерних «древнего благочестия» ни о ком не говорит худо: ни о православном архиерее, ни о властях, ни о «Колоколе» и его редакторе. У него все хорошие люди и все это выходит так ладно, что, например, и власти, обруганные в «Колоколе», как будто совсем правы, и «Колокол» как будто ни в чем не виноват. Так и до всего. За то г. Хмелинский у всех и в чести, и в милости, и в силе, и даже в славе. У раскольников он столп, за который все стараются держаться и который

сами все подпирают. Отец его много пострадал за веру и, спокойно вынося все гонения, удержал своим примером других, изнемогавших под тягостью правительственного преследования. Сын идет дорогою своего отца. Здесь мне интересно было узнать: какой именно раскол держится в пределах псковских и что за учение у рижан. Я, разумеется, ждал встретить федосеевцев. Но при всех моих столкновениях и новых знакомствах с псковскими раскольниками рабочего класса, я не мог добиться: какого они держатся толка? Прямо на этот вопрос ни один из людей, с которыми я познакомился до встречи с Хмелинским, не мог дать мне хотя мало-мальски положительного ответа. Сначала я считал это лукавством, но потом убедился, что безграмотные раскольники, которых немало между псковичами, действительно ничего не знают о своем вероучении и ничего не могут сказать кроме как: «Мы, батюшка, по древнему благочестию». Оставленный в одной простой, весьма многочисленной раскольниковой семье с одними женщинами разных возрастов, я из разговоров с ними убедился, что имею дело и не с чистыми поморцами, и не с федосеевцами. Из всего мною слышанного от женщин выходило что-то странное, неновое и непонятное: не то федосеевщина, не то поморство. В Хмелинском я уже встретил человека, способного и, кажется, желавшего не только отвечать на все вопросы, но даже и спорить и совещаться. Благодаря ему для меня стали ясны многие прежде непонятные стороны симпатии поморян учреждениям рижской общины. Оказалось, что самые псковичи и рижане давно уже капитально разошлись с московскими федосеевцами и сблизились с поморством. Сближение это у псковичей последовало гораздо резче, чем у рижан, хотя и рижане уже называют себя «православными» или «старовеерами федосиевско-поморского согласия». Но в толковании рижан есть еще остатки федосиевских воззрений на брак, тогда как у псковичей взгляд на брак выработался гораздо чище, чем у самих поморцев. Последнее обстоятельство зависело от быстрого распространения здесь учения приходящего сюда из Пруссии инок Павла, против которого под носом у московской полиции в третьем году собирался в Москве в доме купца Морозова раскольниковый собор. На этом соборе эмигрант Павел вел жаркие теологические споры с королевцами (раскольниками, принимающими священство) и препирался о браках с федосеевцами. По уверению одних, он защищался слабо, по словам же других, блистательно доказал чистоту своего учения. Но как бы там ни было, секретный собор, собиравшийся на Павла, не только не уронил его значения, но даже содействовал быстрейшему его успеху в общинах многих поморян и федосеевцев. Федосеевцы, убеждаясь учением Павла, во многих местах начали признавать брачную жизнь нравственною и, следовательно, таким образом возвратились в лоно того же чистого поморства, от которого их оторвала распря дьячка Феодосия. Рижане же, до которых не дошло павловское учение, остаются при прежней смешанности федосеевских и поморских понятий о браке. Они допускают брак «по слабости человеческой», и акт обручения у них совершается в моленной при участии духовного отца, но женатый человек и замужня женщина со дня своего брака теряют право молиться со всеми вместе, не могут стоять на клиросе и вообще как бы пребывают под вечною эпитимиею, что, по толкованию чистых федосеевцев и поморцев, равно отлучению от церкви. А под старость некоторые из них нередко заявляют намерение перейти «в девство», т. е. муж с женою прекращают всякие супружеские сношения и даже иногда расходятся жить в разные дома.

Всего чаще в таких случаях муж поселяется в богадельне, а жена остается дома. Это единственный остаток федосиевского духа в рижанах. Неразлучным спутником федосеевского духа идет и своя доля федосеевского лицемерия. Так, напр<имер>, девственник, отправляясь в субботу в баню, заходит к жене «за веником» и остается с нею наедине, сколько ему угодно, занимаясь, чем угодно им обоим. Над этим смеются вообще все поморцы и особенно поморцы, наученные Павлом, поборником чистейшего брака и вообще чрезвычайно нравственным проповедником. Но уж где есть федосеевская мысль, там всегда есть и всякие ухищрения, оправдывающие или по крайней мере покрывающие «свободу восхождения жен на ложе мужеское». Следов же какого бы то ни было тайного вредного учения я не заметил во Пскове и знал хорошо, какого сорта люди будут моими новыми знакомыми в Риге.

Затем стояло на очереди дело о школах. Нет никакого сомнения, что в Пскове есть секретные школы, но мне их не удалось видеть, по причине неожиданного отъезда Хмелинского в Петербург. К тому же необходимость расспросов о самом духе псковского и рижского раскола, может быть, несколько вредила мне в мнении самого Хмелинского, хотя он, кажется, совершенно мне верил, водил в свою домашнюю моленную, принимал бесцеремонным гостем и подарил два томика сочинений Павла. Эти две книжки, напечатанные в Пруссии и привезенные контрабандою в Россию, были для меня дорогим приобретением. Они дали мне возможность близко познакомиться с замечательной личностью Павла и духом его учения.

Открыто существующих школ в Пскове было две; одна, весьма значительная, в доме купца Пыляева, а другая неподалеку от бывшей на берегу реки Псковы моленной, обращенной впоследствии под солдатскую музыкальную школу; но оба эти училища около 20 лет назад по распоряжению правительства закрыты или, как выражаются псковичи, «разорены властью сильных и безбожных». О преподавании, бывшем в этих школах, прямым путем узнать было ничего невозможно. Говорят одно, что «учили азбучке, цифирью», арифметике, часослову, петь по солям (по солям), да и только. Два-три человека, с которыми я сошелся довольно близко, тоже ничего более подробного мне не сообщили. Оставалось одно средство: сходить с состарившимися учениками уничтоженных правительством школ и с женщинами и «мастерицами», т. е. учительницами. В этом мне вполне посчастливилось. Но ни из самого близкого и самого бесцеремонного знакомства с бывшими учениками уничтоженных школ, ни из книг, по которым учились молодые женщины теперешнего поколения, я не видел, чтобы в псковских школах все образование было направлено к тому, чтобы «внушить детям отвращение к церкви и церковникам-никонианам». «Отвращение к церкви и церковникам-никонианам» существует у псковских раскольников в той самой мере, в какой эти чувства питают все беспоповщинские староверы поморского согласия; но это отвращение в молодых сердцах воспитывается вовсе не в школах, а в самой жизни. Несмотря на то что здесь, как и везде у раскольников, при обучении детей употребляются учебники, не одобренные правительством, в этих учебниках нет ничего возбуждающего неприязненные чувства к господствующей церкви. Это — буквари секретной печати (издаваемые в Польше, Познани и в какой-то казенной или, скорее может быть, в синодской типографии, не то в Москве, не то в Петербурге), старые часословы и старопечатные псалтыри.

Буквари секретной печати почти сходны во всем с букварями, издаваемыми по распоряжению Синода для обучения грамоте детей раскольников, приписанных к единоверческим церквям. Даже некоторые учат детей и по букварям единоверческим. Что же касается до псалтыри и часословов, то, разумеется, они отличаются от употребляемых в господствующей церкви только несколько большим несовершенством перевода и тяжестью языка дониконовского времени. Никаких полемических выходов, никакого задора, порицания и глумления против учреждений господствующей церкви там нет, да и быть-то не может. «Отвращение к церкви и церковникам-никонианам» внушается раскольниковым детям прежде всего дома, матерями да бабушками, реже отцами родными и еще реже отцами духовными («батьками»). Потом смутно понимаемая ребенком разница «древлего благочестия» от «новой веры» сознается им яснее при виде стеснений и гонений, воздвигаемых никонианами против «древлего благочестия». И затем уже сильное чувство бессильной ненависти воспитывается многочисленными сочинениями по истории преследований, предпринятых в течение двухсот лет для подавления невинного фанатического заблуждения. Этих сочинений, и печатных, и писанных уставом и полууставом (в чем искусны не одни ученики ковылинской школы), весьма много, и они-то доканчивают дело русско-христианского разъединения. Школы здесь ровно ни при чем. Весь процесс систематического озлобления раскольникового юношества начинается для него до школы и оканчивается за нею. А чему учат в школах, то, снова повторяю, нимало не способно «внушать отвращение к церкви и церковникам-никонианам», да и книг таких, по дороговизне их, в школах нет, и учителя, выбираемые из «простецов» и людей самых плохоньких, слишком слабы, чтобы заниматься такой пропагандой. Кроме букваря, часовника и псалтыря, начал счисления, крюкового пения и письма уставом, ничему не учили в уничтоженных правительством псковских школах и ничему не учат у нынешних «мастеров» и «мастериц». Псковские раскольники очень сильно мечтают о разрешении им учредить для своих детей отдельную школу, но у них нет никакого определенного представления о том, как учредить эту школу и чему в ней обучать. При всех условиях поставить псковского поморца в необходимость дать более или менее ясный ответ о его соображениях насчет школы, можно добиться только одного, что школа должна быть отдельная, что раскольники не могут позволить своим детям мешаться с «нововерами» и что их детей нужно учить непременно по старым книгам. А учить «по старым книгам», как я уже сказал, это значит учить букварю, псалтырю да часовнику. Раскольники вообще очень любят вздыхать и плакаться на свое невежество, ставя его, разумеется, в прямую вину правительству и духовенству господствующей церкви; но, в сущности, и у них самих-то не замечается ревности к образованию своих детей. «Всему надо бы, говорят, учить понемножку; много нам не требуется по нашему сословию, а понемножку бы следовало». Живая русская сметка вслух подсказывает хранителю «древлего благочестия», что непроглядная тьма фанатического заблуждения и нелепого буквоедства не выдержит животворящих лучей просвещения. Раскольник страшно боится этого света. Он желает выбрать из массы научных знаний для своего юношества исключительно лишь те, которые бы дали молодому раскольниковому поколению средства быть поспособнее к ловкому обдыванию дел с людьми современного развития, но самого человеческого развития раскольник ужасается более Страшного суда и даже более по-

тери полтинных барышей на рубль, дающих средства покупать продажную совесть «случайного человека». Можно утвердительно сказать, что если дело школ предоставить самому «древлему благочестию», без педагогической инициативы министерства народного просвещения, то в этих школах будут учить только тому же букварю, часовнику и псалтырю, да разве прибавят малую часть арифметики, так как это нужно по торговой части, и еще, пожалуй, научат немецкому языку, потому что он также нужен по торговой части. Но ни географии, ни истории, ни, Боже упаси, физике и другим естественным наукам ни за что учить не вздумают, так как все это, по их мнению, вовсе не нужно. Да не говоря об этих науках, даже все мои усилия доказать необходимость изучения ребенком библейской истории прежде скучного часовника и вдохновенных, но непонятных ребенку поэтических воздыханий Давида обыкновенно оставались безуспешными. У них есть несчастный, чисто католический взгляд, что «рабу» вовсе не нужно знать евангелия и даже «не достоин чести его в доме», а ему следует только молиться, и поэтому часовник с псалтырем нужнее всего.

В Пскове есть один духовный отец («батка»), живущий под секретом и служащий, как мне кажется, в небольшой, но прекрасной домовой молельне Хмелинского, ибо общественная молельня тоже правительством уничтожена. Я не мог побеседовать с этим отцом, потому что его не было в городе. В среде же его паствы (не говоря о Хмелинском) я встретил невежество, поражающее, ставящее в тупик и преисполняющее глубокого сожаления к этим людям, бродящим с непроницаемою повязкою на глазах. Ни истории Ветхого Завета, ни новозаветных событий, ни истории собственного раскола и разницы его с другими ветвями староверства почти никто не знает. «Мы по-старому», да и все тут. Вот образчик, до чего простирается здесь раскольничье невежество: мне удалось сойтись с одним здешним умником, начетчиком, человеком лет 40 или 45. С первого взгляда мне показалось, что я имею дело с узколобым фанатиком, зачитавшимся так называемых в древнем благочестии «толстых книг». Умник тотчас начал вызывать меня на решение теологических вопросов, разумеется, давно решенных им по его «толстым книгам», и срезал меня. Говорили мы о Никоне, о сугубой аллилуие, о имени Иисусовом, — во всем я оказался сведущим. «Ну да, — говорит мой искушатель, — а что как вы о мирском имени Христовом разумеете?» После моих усилий разъяснить себе предложенный вопрос, оказалось, что у Христа есть еще какое-то мирское имя. Я говорю: Иисус.

— Ну это одно.

— Христос.

— И это так, а еще?

— Еммануил, еже есть сказуемо с нами Бог, — говорю я.

— Нет, мирское-то, мирское? — добивается мой умник. Ничего я не мог придумать и, сознавая свою несостоятельность, просил открыть мне это мирское имя Иисуса Христа. Оказалось, что, по сведениям моего экзаменатора, Христа звали еще «Яковом». Отчего же это? Где на это указания? Да очень просто. В тропаре поется: «яко бо прославися», из этого сделано «Яковом прославился». Впоследствии я слышал это сказание еще от двух крестьян, из которых один был прядильщик из Орловской губернии. К довершению должно сказать, что со времени уничтожения школ в среде псковских раскольников завелось много безграмотных, и если бы здесь не Павел со своим апостолом Хмелинским, то

псковская община, кажется, давно была бы способна выкинуть такую же штуку, какую отлили тысячи пермских поморцев, обращенных одной бабой из брачащегося поморства в безбрачную федосеевщину. Продажность и неспособность полиции, благодаря которым умный инок Павел может навещать покинутое отечество, произвели противное. В Пскове брачатся, молятся за царя и даже нелицемерно его любят, говорят о нем со слезами, но ждут от него очень многого и прежде всего полной свободы совести, молелен, школ и прочего.

О предметах преподавания, как я уже сказал, мне было нечего говорить, и я стал заводить речь об учителях. На этот предмет у раскольников взгляд очень ясный, и они здесь показали себя людьми довольно сговорчивыми. Прежде всего им, разумеется, желательно иметь в своей начальной школе своего (т. е. раскольника же) и учителя. Но рядом систематически приведенных доказательств, что у них нет людей, способных выдержать экзамен хотя бы на звание приходского учителя, а без экзамена учителя нельзя допустить, мне удалось вызвать их на раздумье. Конечно, прежде всего вышло, что это не их вина, что «это все власть наделала», но когда я, устраняя причины, ставил только факт, существование которого изменить уже нельзя и с которым, однако, надо что-нибудь поделать, то высказалось такое мнение: «Учителя можно принять и православного, лишь бы по нашему выбору, а попа чтоб духу не было».

Так как это мнение сильно поддерживает Хмелинский, то я не сомневаюсь, что этого же мнения будет держаться вся псковская и все окрестные общины, и будут они этого держаться с тою же настойчивостью, с какою они при отце своего патрона держались веры, которую в то время мучили. О соединенных же школах вместе с православными здесь и слышать не хотят и наотрез говорят, что «детей не пустим». По моему мнению, о таких школах нечего даже и думать. Это будет новая прибавка к длинному ряду печальных полумер, раздражающих народные инстинкты и возбуждающих ропот и неудовольствие в людях, преданных правительству и ожидающих от него великие и богатые милости. Впоследствии я еще более убедился в этом не только из столкновений с раскольниками, но и из разговоров с генералом Ливеном и жандармским полковником Андреяновым.

Этим оканчиваются мои разведки в Пскове, который я по счастливой догадке сделал преддверием моего вступления в немецкий город русского царства.

Раскольники считают в Риге около десяти тысяч беспоповцев поморского согласия. Это единственный остаток повсюду скрытого и запаханного староверского общинно-хозяйственного управления. Рижский штаб-офицер корпуса жандармов, между прочим, объясняет крепость здешних общинных учреждений тем, что в Лифляндии со стороны гражданского начальства не было заявлено особенно ревностного содействия духовенству к искоренению раскола. «Эта мера, — говорит полковник Андреянов о взаимодействии светской и духовной властей по преследованию раскола в Лифляндии, — менее чем где-либо достигается, ибо представители власти повсюду неправославные, не питающие никакого сочувствия к православию, напротив, — сострадающие по принципу веротерпимости лютеранской церкви раскольникам, людям промышленным, трудолюбивым и воздержанным».

Я не имею довольно дерзости, чтобы сомневаться в основательности сообра-